

Лилия НАЗАРЕНКО
(Прага)

Прагматический эффект просторечия в языке русской политики

Pragmatical effect of Common Russian in the language of Russian politicians

The modern language situation in Russia is characterised by expansion of substandard language which gets into traditional spheres of functioning of the literary standard. Bright example of the switching language codes such as standard/substandard is modern political communications. The functional features of Common Russian and the reasons of its use in the language of Russian politicians are considered in the article.

It is supposed that politicians use substandard lexicon of Common Russian for strengthening of pragmatical and expressive effect of their speech, with the purpose of negative influence on the recipient, intimidation, warning or requirement.

Язык политики является частью общей языковой культуры общества и одним из способов ее выражения. Политический дискурс новой России претерпел кардинальные изменения в сравнении с эпохой «позднего тоталитаризма». На месте стандартизованного, ритуального, присвоенного единственной правящей партией языка политики, существовавшего в Советской России с 30-х до 80-х годов прошедшего столетия, сформировался новый стиль политической коммуникации. Демократизация общества, снятие цензуры и всяческих запретов повлияли на содержание и формы языка политики.

Исчезли скованность, зажатость, стандартность в речевом поведении средней языковой личности, которые были типичны для официальной коммуникации в тоталитарном прошлом. Язык современных политиков отличается стремлением к индивидуальному стилю, экспрессивностью, раскрепощенностью. Демократизация общества требует новых стереотипов поведения. Растут в цене такие качества политика, как открытость, искренность, непосредственность в общении, близость к людям. Этим качествам часто не соответствует общение на стандартизированном литературном языке. В речи политиков всё чаще звучат элементы разговорной речи, социальных жаргонов, просторечия. Что это: вседозволенность, мода или сознательная языковая деятельность?

Некодифицированные сферы бытования русского национального языка все чаще становятся предметом исследования, концентрируя внимание лингвистов на языковых явлениях, не представленных в прескриптивных грамматиках и нормативных словарях. Исследователи русского языка отмечают, что современная языковая ситуация в России характеризуется экспансией субстандартных языковых единиц, которые проникают в традиционные сферы функционирования литературного языка, а именно в язык электронных и печатных СМИ, язык политических и общественных деятелей. Современный российский политический язык отличается большой пестротой и отсутствием каких-либо явных ограничений. С целью политической пропаганды чаще используется не специальная политическая терминология, а политическая метафорика, ирония, сарказм, экспрессивная и оценочная лексика. В язык российской политики все активнее проникают жаргонные и просторечные выражения.

В последние десятилетия просторечие стало объектом пристального внимания языковедов. В силу функциональной неоднозначности этого лингвистического, социального и культурологического феномена существуют различные трактования термина просторечие. Преимущественно просторечие рассматривается как разновидность общенационального русского языка, которая реализуется в речи необразованных или малообразованных людей, которые не осознают неправильности используемых ими слов, форм и выражений. В научной литературе эта разновидность русского языка обозначается терминами собственно просторечие, социальное просторечие, естественное просторечие, городское просторечие и т. д. Вместе с народными говорами и жаргонами социальное просторечие составляет устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации, целостную систему, противопоставленную литературному языку. Просторечие, в отличие от говоров и жаргонов, имеет наддиалектный характер и понятно всем носителям национального языка.

Термин просторечие используется также для обозначения особой функциональной разновидности русского языка – сферы обиходного, преимуще-

Прагматический эффект просторечия

ственно экспрессивного и часто вульгарного общения с употреблением ненормативных, субстандартных единиц - так называемое функционально-стилистическое просторечие [Войлова 2007]. Функционально-стилистическое просторечие характерно для речи образованных людей, которые осознанно используют просторечные единицы с разными коммуникативными установками. Исследователи отмечают социальный аспект языковой игры, когда члены определенного социума отказываются от общепринятых стереотипов общения, демонстрируют друг перед другом свободу поведения, пренебрежение к официальным отношениям. Л. П. Крысин пишет о том, что одна из характерных особенностей речевого поведения интеллигентных носителей языка – умение переключаться в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. Эта диглоссность (или полиглоссность) отличает интеллигенцию, например, от носителей просторечия, которые моноглоссны и не умеют варьировать свою речь в зависимости от ситуации. Полиглоссность обеспечивается механизмом кодовых переключений, который вырабатывается у человека в процессе его социализации в культурной речевой среде. Усвоение системы социальных ролей, свойственных данному обществу, идет в тесном взаимодействии с усвоением норм речевого поведения, обеспечивающих оптимальное исполнение той или иной роли. А варьирование этих норм в значительной мере возможно лишь потому, что язык предоставляет говорящему различные способы выражения одних и тех же коммуникативных интенций, одних и тех же смыслов [Крысин 2001].

В. В. Химик относит функционально-стилистическое просторечие к социально ориентированной языковой среде: «Резкая сниженность, эмоциональная напряженность, а иногда и агрессивность некоторых просторечных экспрессивов тоже являются проявлением языковой игры, преследующей социальные, идеологические или психологические цели воздействия на объект» [Химик 2001]. Именно с этой разновидностью просторечия сталкиваемся в русском политическом дискурсе.

Наглядный пример сознательного переключения языковых кодов – современная политическая коммуникация. Политики употребляют просторечные языковые единицы с различными целями:

1) в качестве заменителей нейтральной лексики используется стилистически сниженная или ненормативная просторечная лексика для усиления экспрессии и аффектации высказывания, например: *«Мы, что ли, базы новые создали? А Францию спросили о создании третьего позиционного района? Кто ее спросил? Шиш!»* (В. В. Путин, пресс-конференция 14. 2. 2008). *«Если человека все устраивает... то он полный идиот»* (В. В. Путин, «Комсомольская правда», 24. 12. 2000). *«Только в носу ковыряетесь... чего там выковыриваете, непонятно»* (В. В. Путин, «Известия», 6. 9. 2007). *«Это их*

хотелки все - они в некоторые страны направляют 100 человек, в другие 20» (В. В. Путин о наблюдателях ОБСЕ на президентских выборах в России, пресс-конференция 14. 2. 2008). *«Все пытаются кого-то учить. Пусть жену свою учат щи варить»* (В. В. Путин, пресс-конференция 14. 2. 2008). *«Что касается слухов о моем личном состоянии - я смотрел некоторые бумажки на этот счет - болтовня, чушь. Все это выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам. Вот мое отношение»* (В. В. Путин, пресс-конференция 14. 2. 2008). *«Я не хочу сказать, что нам совершенно безразлично ваше мнение и что мы плевать на все хотели. Нет, мы будем прислушиваться к советам... доброжелательным»* (В. В. Путин, пресс-конференция после встречи с канцлером ФРГ в Осло 12. 11. 2002);

2) используются экспрессивные, стилистически сниженные и даже грубо-вато-фамильярные синонимы к нейтральной лексике для усиления прагматического и выразительного эффекта высказывания, например: *«Да врут они все! Не верьте им!»* (В. В. Путин о деноминации рубля 14. 2. 2008) *«Один из факторов личностного фактора - это умение сформулировать задачу, не ныть и не пускать слюни по этому поводу. Если первые лица будут все время пускать слюни и сопли и ныть - ах как нам плохо, то ничего не будет»* (В. В. Путин, пресс-конференция 14. 2. 2008). *«Надо исполнять закон всегда... а не только тогда, когда схватили за одно место»* (В. В. Путин в интервью итальянским СМИ 4. 11. 2003.). *«Если у человека есть фуражка и сапоги... то он может обеспечить себе и закуску, и выпивку»* (В. В. Путин на встрече с министром внутренних дел Борисом Грызловым 18. 2. 2002); *«Весна и осень – плохое время для того, чтобы принимать важные государственные решения. Слишком много шизанутых...»* (Ю. Лужков)

3) просторечная лексика используется с целью отрицательного воздействия на адресата, устрашения, предупреждения или требования, например: *«Вы замучаетесь пыль глотать, бегая по судам и размораживая свои средства»* (В. В. Путин, выступление на съезде Торгово-промышленной палаты РФ 19. 6. 2005). *«Россия может подняться с колен... и как следует огреть»* (В. В. Путин, "Известия" 17. 9. 1999). *«В туалете поймаем ... мы и в сортире их замочим»* (В. В. Путин, пресс-конференция в Астане 24. 9. 1999). *«Я не скажу, что существует два непримиримых врага, с одной стороны – государство, а с другой – олигархи. Я думаю скорее, что государство держит в руках дубинку, которой бьет всего один раз. Но по голове. Мы ее только взяли в руки, и этого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание»* (В. В. Путин в интервью газете «Фигаро», октябрь 2002.). *«В ответ на предложение, чтобы российские военнослужащие сейчас приняли участие в операции в Ираке, так и хочется сказать: «Нашли дураков»* (В. В. Путин на пресс-конференции по итогам переговоров с С. Берлускони в Риме 5. 11. 2003). *«Надо найти этих людей, забрать, выгрести*

Прагматический эффект просторечия

деньги, а потом посадить» (Ю. Лужков). *«Отморозки тем и отличаются от нормальных людей, что когда чувствуют запах крови, их трудно остановить. Приходится прибегать к хирургическим методам»* (Д. Медведев о грузинских военных во время Русско-Грузинского конфликта, 12. 8. 2008).

Возникает резонный вопрос: почему просторечие так активно проникает в несвойственные ему сферы коммуникации? М. Т. Дьячок считает, что социальным ядром носителей просторечия являются лица, занимающиеся криминальной и полукриминальной деятельностью. В связи с общей криминализацией общественной жизни России просторечие все шире используется в речи предпринимателей, чиновников различного уровня, вплоть до самых высших [Дьячок 2003]. Активизируется использование элементов просторечия в таких нетипичных сферах функционирования, как средства массовой информации, публицистика, официальные речи чиновников и политиков. Так, некоторые высказывания экс-президента, а ныне премьер-министра В. В. Путина могут служить тому иллюстрацией: *«У меня был шанс поработать в качестве первого лица Российского государства, и я отработал честно этот срок и предпочитаю не стонать, что он закончился. Можно конечно, как у нас говорят, шло в стенку и на боковую, но я по-другому сделаю»* (В. В. Путин, пресс-конференция 14. 2. 2008). *«Слушайте, вы что, хотите, чтобы я землю ел из горшка с цветами? И клялся на крови? Это глупо просто. Нет никакой необходимости экономической»* (В. В. Путин, пресс-конференция 14. 2. 2008). *«Мазурик какой-то утащил самолет»*, - прокомментировал В. В. Путин инцидент в аэропорту г. Киева «Борисполь» 2 октября 2008 года, когда президент Украины Виктор Ющенко улетел во Львов на самолете, предназначенном для визита Юлии Тимошенко в Москву («Комсомольская правда», 4. 10. 2008).

При размышлении о том, почему в речи высокопоставленных политиков звучат субстандартные, стилистически сниженные выражения, возникают две версии. Первая: под влиянием сильного психологического напряжения прорывается то, что сидит глубоко внутри. Вторая: это запрограммированная речевая стратегия. Не вызывает сомнений, что в штабе политиков работают опытные специалисты по созданию имиджа и команды политтехнологов, которые разрабатывают необходимые стратегии и тактики, в том числе коммуникативные, для достижения поставленных политических целей. Их разработки ориентированы на ожидания и предпочтения граждан с целью получения нужного рейтинга политика. Российская действительность показывает, что имидж жесткого и волевого руководителя, «крутого парня», который не церемонится с противниками, и у которого слово не расходится с делом, приносит значительные политические дивиденды. И политологи, и лингвисты задают себе вопрос: связаны ли между собой популярность В.

Путина и его резкость в выражениях? Интересно, что если в 1999 году, когда В. Путин только появился на политической арене, его рейтинги составляли 2-3 процента, а после известной фразы в адрес чеченских сепаратистов «... *мы и в сортире их замочим*» социологи зафиксировали резкий подъем популярности президента. Исследователь политического дискурса А. Баранов в интервью радиостанции «Эхо Москвы» так объясняет использование грубовато-сниженных, просторечных элементов в языке политиков, в том числе В. В. Путина: «Эффективность воздействия и эстетически правильная речь – это совершенно разные вещи. Что-то может быть эстетически выдержано, великолепно, но абсолютно неубедительно, и наоборот. Поэтому есть такая теория речевого воздействия, которая занимается как раз эффектами убеждения: когда вы говорите литературным языком, а потом вдруг в литературном языке что-то стилистически очень сильно выделяется, то это приём воздействия, потому что это место очень хорошо запоминается адресатом. Если бы он (В. Путин) сказал: «Мы будем защищать целостность Российской Федерации» и т.д. – это одно, а когда он говорит «будем мочить в сортире этих козлов», - это воспринимается по-другому» [Баранов 2004].

Если мы сравним политический эффект воздействия просторечных высказываний русских политиков и эффект использования обиходно-разговорного языка чешскими политиками, то увидим различные результаты. В российском обществе в подавляющем большинстве это явление воспринимается положительно: жесткость высказываний ассоциируется с сильной властью, решительностью ее намерений по установлению порядка. Некоторые политологи утверждают, что правые партии потому проиграли на выборах в Государственную Думу, что их лидеры так и не научились говорить с избирателями на понятном им языке.

Появление просторечия в политическом дискурсе и других не свойственных ему сферах коммуникации можно оценивать по-разному: негативно – как понижение уровня языковой культуры, или положительно – как снятие запретов с речи, демократизацию общения. Каждая из оценок имеет право на существование. Очевидным остается то, что просторечие как целостная система вступает в отношения взаимодействия и конкуренции с литературным языком, и этот процесс, по всей видимости, будет продолжаться.

Использованная литература:

1. **Баранов 2004** Баранов, А. Должен ли Путин обратиться к нации? In: <http://www.polit.ru/analytics/2004/09/03/baran.html>.
2. **Войлова 2007** Войлова, К. А. Просторечие и современная языковая ситуация. In: Вестник МГОУ, Серия "Русская филология", № 1, 2007.

Прагматический эффект просторечия

3. **Дьячок 2003** Дьячок, М. Т. Русское просторечие как социолингвистическое явление. In: Гуманитарные науки. Вып. 21. М., 2003. С. 102–113.
4. **Крысин 2001** Крысин, Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета. In: Русский язык в научном освещении. № 1, М., 2001. С. 90–106.
5. **Химик 2001** Химик, В. В. Современное русское просторечие как динамическая система. In: I Международный конгресс исследователей русского языка "Русский язык: исторические судьбы и современность", Сборник тезисов, М., 2001.

